

Коренев Владимир 19-25.03.97

26
АВТОПОРТРЕТ

КУРАНТЫ

ИХТИАНДР

ПОДВЕРЖЕН БЕСПРИЧИННЫМ СТРАХАМ И НЕ ЛЮБИТ

Куранты 1997 — 19-25 марта — с. 26

Для большинства зрителей он так и остался красивцем Ихтиандром, романтическим героем фильма "Человек-амфибия".

Благодаря этой роли Владимир КОРЕНЕВ в двадцать один год узнал, что такое ошеломляющий успех. Но голову ему это не вскружило. И хотя Коренев с тех пор снялся более чем в двадцати фильмах, киноактером себя не считает. Вся его жизнь связана с Драматическим театром имени Станиславского. И жизнь счастливая.

Фильм "Человек-амфибия" сделал вас невероятно популярным. Как это сказалось на вашей судьбе?

— Так получилось, что нет во мне честолюбия. Вырезали его когда-то, что ли? Вообще считаю его одним из человеческих пороков: небольшой, простительный, но недостаток. Наверное, мое представление о счастье в какой-то другой области находится. К своей популярности всегда относился с юмором. Хотя нещадно ее эксплуатировал и с ее помощью проскочил тот период нищеты, который случается у каждого молодого актера. Ездил, выступал, зарабатывал деньги на жизнь. Но делал это честно и рассказывать старался не просто о самом себе, о кино, товарищах, а пытался сделать это творчеством — говорил о литературе, читал то, что мне нравится.

Как получили роль Ихтиандра?

— Я тогда заканчивал ГИТИС, играл главную роль в дипломном спектакле "Ночь ошибок". Меня увидел ассистент режиссера Владимира Чеботарева, пригласил в Ленинград на пробы. Утвердили сразу: внешность-то была фантастическая! В этом фильме вообще собрались экзотические фигуры. О Насте Вертинской и говорить нечего. Михаил Козаков — красавец невозможный, да еще с привкусом порока. А еще Николай Константинович Симонов, легендарная фигура в нашем театре и кино. И оператор был роскошный — Эдуард Розовский, который потом снимал "Белое солнце пустыни". Вся техника для съемок под водой он сам изобретал — тогда же не было ничего. Музыку писал Андрей Петров, сценарий — Алексей Каплер, так что ос-

нований для того, чтобы картина получилась, хватало. Конечно, если подходить к ней с точки зрения психологического кино, издержки найдутся. Но никакой политической или социальной подоплеку тут не подразумевалось: просто снимали фильм про любовь. Сам я ни про какие высокие материи тогда не задумывался. Был очень молод и, как ребенок, наслаждался югом, карьерами, морем, солнцем, физическим здоровьем. И о съемках мало что помню, кроме ощущения какого-то детского счастья.

После "Человека-амфибии" снимались много?

— Достаточно. Но к очень большим режиссерам не попадал. И никогда не считал себя киноактером. Мне еще в институте внушили, что театр — искусство гораздо более высокое, чем кинематограф. Хотя бы потому, что оно не тиражируется и всегда ново.

Похоже, вы не любитель перемен: всю жизнь один театр, одна жена?

— Я консерватор по натуре. Для меня квартиру поменять проблема, не то что театр. Никогда не бегал, потому что хочу, чтобы здесь было хорошо. Да и зачем бегать: из одиннадцати спектаклей, которые в репертуаре, в девяти у меня главные роли. В Театре имени Станиславского меня любят, уважают, здесь вся жизнь прошла. Это моя семья. Здесь замечательная атмосфера, никто не суетится, нет ярмарки тщеславия. Пришел сюда при Михаиле Михайловиче Яншине, который такой актерский цветник собрал! Помню, на гастролях в Куйбышев меня ввели в "Дни Турбиных", где играли прекрасные артисты — Евгений Леонов, Петр Глебов, Николай Салант, Нина Веселовская. А я вышел на сцену в эпизоде — и в зале овация: узнали "человека-амфибию". И Яншин сказал: "Больше его не выпускать!" Потому что здесь своя табель о рангах, да и сам я ценю этому "успеху" ясно понимал. Конечно, были и тяжелые периоды, случалось, ремесленники приходили, но без этого не бывает. И потом, во мне до сих пор живет романтический настрой, никто к театру как к чему-то высокому. Никогда не позволял себе халтурить, опускался, всегда очень честно относился к делу. Случались и тоска, и депрессия. Но никогда не считал, что профессия, даже самая прекрасная, стоит жизни, счастья. Мое представление о счастье

лежит в другой плоскости, для меня это простые человеческие радости: семья, друзья, дети, любовь, здоровье, застолья. Жена в одном театре со мной работает, теперь и дочь здесь. С Аленой мы еще в ГИТИСе познакомились, учились вместе.

Есть роли, которые особенно много значили для вас?

— Не столько роли, сколько режиссеры, атмосфера в момент репетиций. Потому что самое дорогое в нашей профессии — это компания. Счастлив, что в театр меня пригласил Михаил Михайлович Яншин. Он посмотрел меня в студенческом спектакле, очень смеялся, пришел за кулисы и сказал: "Если вы при такой внешности можете быть таким смешным, у вас будет очень много работы". Потом был Борис Александрович Львов-Анохин, замечательный воспитатель, который дал новую жизнь многим артистам. Были прекрасные молодые режиссеры — Анатолий Васильев и Борис Морозов, у нас ставил спектакли Леонид Викторович Варпаховский, последние годы театр возглавлял Виталий Ланской... И здесь всегда была замечательная актерская компания. Вообще я убежден: если из театра уходит нравственность, он перестает быть нужным. Я читал, что после гастролей Художественного театра в Петербурге один студент прислал Станиславскому письмо, в котором спрашивал: "Что делать со снижением общественной нравственности?" Станиславский ответил: "На снижение общественной нравственности надо отвечать повышением нравственности театра". Театр должен быть духовным — в этом суть.

А какой жанр вам ближе?

— После фильма "Человек-амфибия" я сознательно не сыграл ни одной романтической роли: боялся самотиражирования. И брался только за характерные роли. Считал, что артист всегда должен быть разным до неузнаваемости. В нашей последней премьере "Мужской род, единственное число" играю мужчину, который когда-то был женщиной. Эта пьеса — такой слалом, там столько поворотов, неожиданных сюжетных ходов! И столько лирики: я играю про любовь, ностальгию по молодости — про вечное, словом.

В спектакле "Мужской род, единственное число" вы играете вместе с дочерью. Доволен, что у меня дочь есть. А теперь еще и внук Егор: ему два года два месяца. Не знаю, станет ли он актером, но обаяния в нем от всех нас. Понимаю, что к актерским династиям отношение всегда подозрительное, вроде как к династии директоров мясных магазинов — всем привычнее семьи потомственных шахтеров, хлеборобов, сталеваров. Хотя актерские дети чаще всего родителей не подводят. Конечно, бывает, что на детях гений природы отдыхает, а то и просто высыпается. Но если учесть, что я не гений... Честно говоря, не хотел, чтобы дочка стала актрисой. Но невозможно удержаться, когда на все гастролы ребенка возишь с собой, когда он все время за кулисами. Это такой магнит!

В спектакле "Мужской род, единственное число" вы играете вместе с дочерью. Доволен, что у меня дочь есть. А теперь еще и внук Егор: ему два года два месяца. Не знаю, станет ли он актером, но обаяния в нем от всех нас. Понимаю, что к актерским династиям отношение всегда подозрительное, вроде как к династии директоров мясных магазинов — всем привычнее семьи потомственных шахтеров, хлеборобов, сталеваров. Хотя актерские дети чаще всего родителей не подводят. Конечно, бывает, что на детях гений природы отдыхает, а то и просто высыпается. Но если учесть, что я не гений... Честно говоря, не хотел, чтобы дочка стала актрисой. Но невозможно удержаться, когда на все гастролы ребенка возишь с собой, когда он все время за кулисами. Это такой магнит!

Вы тоже из театральной семьи?

— Нет. Отец — военный, морской офицер, достаточно зарабатывал, чтобы матушка не работала. Отец был замечательным человеком, интеллигентным, знал два языка, очень любил музыку, театр, собрал огромную библиотеку. И был очень красив: когда шел по улице в своей адмиралской форме, а рядом я в зените популярности, женщины оборачивались — на него. Родился я в Севастополе, потом мы жили в Измаиле. Позже попали в Таллин. В школе были великолепные педагоги, я был в ужасе — ребята вокруг казались академиками. В доме, где мы жили, на первом этаже была библиотека. И старушка библиотечкару пустила меня в запяски, где сохранила все книги, подлежащие изъятию. Я читал как сумасшедший и догнал-таки товарищей. В школе был драмкружок, вел его актер таллинского драмтеатра Иван Данилович Россомехин. Двенадцать его учеников стали профессиональными артистами. Из нашего драмкружка вышли Лариса Лукина, Виталий Коняев, Игорь Ясулович, ленинградка Лилия Малкина. Иван Данилович был замечательным педагогом, сумел всех нас влюбить в театр, и к окончанию школы сомнений в том, куда поступать, у меня не было.

Ваши коллеги сейчас наперебой жалуются на тяготы жизни. А вы?

— По-моему, российский капитализм так же омерзителен, как российский социализм. Видимо, это наша национальная особенность: любую общественную идею превращать в ерунду. Конечно, доволен, что из нашей жизни ушел идеологический пресс: столько дряни всякой приходилось играть — ужас! А сейчас мы должны заново научиться говорить о вечных вещах, и все зависит от того, насколько интересно и талантливо мы их рассказываем. Развлекая, поучая — замечательная формула.

А чужому благосостоянию никогда не завидовал. Достаточно было сознания, что занимаюсь замечательным делом. Мне для счастья не нужно какой-нибудь "Мерседес". У меня есть "Волга", есть квартира, дача — чего еще требовать? Нормально зарабатываю: снялся больше чем в двадцати фильмах, в театре зарплату приличную благодаря очень хорошему директору. В общем, на жизнь хватает.

Вы упомянули дачу. Как трудно представить красавца Коренева на грядке?

— А я себя там замечательно чувствую. Люблю копаться в земле, люблю, когда вырастает что-то. Очень хорошо готовлю, солю грибы, огурцы, помидоры, в деревне всех этому научил. Матушка у меня была украинка, многие умения кулинарные перенял от нее. Когда снимался в Узбекистане в фильме "Сыны Отечества", освоил плов, настоящий казан привез для него в Москву. А у жены вообще руки золотые: благодаря ей у нас один из самых ухоженных участков.

Не тяжело из мира театрального вымысла спускаться на грешную землю?

— Я страшный фантазер. Не зря до сих пор одна из моих самых любимых книг "Граф Монте-Кристо". Живу в созданном мною самим мире, который от реального немножко отличается. Думаю, что и другие живут так же, кто-то в большей степени, кто-то — в меньшей. Все мы дети в душе. А уж актеры особенно, иначе этой профессией невозможно заниматься. Конечно, в нас много мелких недостатков, но по какому-то благодатному закону природы на сцене они в сумме превращаются в одно большое достоинство. Я иде-

альных людей не знаю и раньше не люблю. Я и сам грешник, иначе мое место давно было бы в монастыре. Но мои недостатки можно отмотать, я не совершаю смертных грехов.

И какие же недостатки у артиста Коренева?

— В жизни я очень неорганизованный человек, хотя в профессии педант. Частото бы в а ю



невнимателен, могу не позвонить, хотя и должен. Я, наверное, тяжелый человек, но раз терпят — значит, все не так страшно. Подвержен беспричинным страхам, как собака, которая вдруг начинает дрожать и скулить во сне, не зная почему. Все неприятности как бы переживаю заранее: чувствую, что что-то должно случиться через неделю, и уже не жалею. Очень тревожусь за близких. Для меня любовь — это вечный страх потерять. Поэтому боюсь, когда дочка на машине ездит, боюсь за жену, за внука, за друзей. За себя не боюсь. Единственное, что беспокоит: с моим уходом у близких осложнится жизнь.

Кто вы по гороскопу?

— Блинец. Абсолютный! Все, что по поводу этого знака пишут, ко мне стопроцентно подходит.

Ваши любимые занятия вне театра?

— Ленииться очень люблю. Бездельничать. Сидеть дома, книжки читать, готовить, есть что-нибудь вкусное. Я сибарит. С удовольствием встречаюсь с друзьями, болтаю, выпить люблю — водку или хорошее вино. Люблю с внуком бывать, объясняюсь с ним какими-то восторженными междометиями. Хотя жена и упрекает: "Что ты с ним сюсюкаешь, лучше бы стихи почитал!" Но думаю, что еще успею все ему рассказать.

Подарки близким часто дарите?

— Деньги домой все приношу. Цветы передариваю, которые мне в театре или на концерте вручают. Примета такая есть, что их обязательно надо передарить: или партнерше отдать, или жене...

В вашей жизни есть что-то несвершившееся?

— Никогда об этом не думал. Я люблю жизнь, и для меня она прекрасна сама по себе. Не считаю, что должен что-то совершить, просто живу, занимаюсь делом, которое мне нравится, нахожусь в кругу замечательных, смешных, забавных, занятных, талантливых людей. У нас каждый день открывается занавес и начинается праздник, делается что-то такое, что превращает человека в человека. И мне это очень нравится.

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Фото Андрея СТРУНИНА.